

Виктор Алеветдинов
Виктория Ончукова

ДОМ БЕЗ НОМЕРА

СЛЕДСТВИЕ ВЕДУТ ДУХИ

КНИГА 14

УЮТНЫЙ МИСТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Виктор Алеветдинов

**Книга 14. Следствие ведут
духи. Дом без номера**

«Автор»

2026

Алеветдинов В.

Книга 14. Следствие ведут духи. Дом без номера /
В. Алеветдинов — «Автор», 2026

Лифт в новом «умном» доме везёт Веру и Ирину Павловну вниз — на нулевой этаж, которого нет ни на схеме, ни в документах. В кабине появляется ключ механика Виктора Мельникова, а система уверяет, что никакого события не было. Вскоре жильцы получают уведомления о входах в запертые квартиры, камеры теряют нужные минуты, тревожные вызовы исчезают из журналов, а самого Виктора находят мёртвым в технической зоне. Вера, Олеся, Ирина Павловна и Антон начинают проверку. Но чем ближе они к скрытому контуру дома, тем яснее: цифровая прозрачность может быть удобной ширмой для человека, который способен открывать чужие двери, стирать следы и решать, чей сигнал считать ложным. А механический ключ снова и снова возвращается туда, где кто-то пытается спрятать правду.

Содержание

Глава 1. Нулевой этаж	5
Глава 2. Вход, которого не было	10
Глава 3. Смерть механика	16
Глава 4. Домовой чат без сна	22
Глава 5. Опасный бывший	27
Глава 6. Умный ключ и обычная нитка	33
Глава 7. Чужое собрание	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Виктория Ончукова, Виктор Алеветдинов

Книга 14. Следствие ведут духи. Дом без номера

Глава 1. Нулевой этаж

Холодный дождь начался ещё днём и к вечеру стал настойчивее. Вода стекала с капюшона за воротник, а пакет с лекарствами охлаждал ладонь. У подъезда горел тёплый свет, но терпение понадобилось уже у двери.

Антон попросил занести тёте таблетки по дороге. Сам он задерживался на выезде и дважды повторил, что Ирина Павловна прекрасно справляется одна. Поэтому я сразу поняла: тётя не любит, когда её спасают.

Дверь открылась после второго прикосновения брелока. На первом система сообщила, что доступ подтверждён, но войти не позволила. Я попробовала ещё раз и поблагодарила экран. Он ответил, что моя команда не распознана.

Вестибюль блестел новизной. Камера повернулась вслед за мной, у лифтов светилась схема этажей, а экран обещал полную прозрачность обращений.

Ирина Павловна ждала возле лифта в домашней кофте и осенних ботинках. В одной руке у неё был телефон, в другой — складной зонт. Она объяснила, что вышла встретить меня, потому что Антон опасался, что я промокну, перепутаю подъезды и отдам лекарства соседям.

— Он обо мне высокого мнения.

— Он обо всех такого мнения, когда волнуется.

После этих слов она проверила названия на коробках, убрала их в сумку и сразу показала телефон. Потом открыла последнее уведомление.

— В шестнадцать сорок две мне пришло уведомление, что дверь открыта моим ключом.

— Вы были дома?

— В поликлинике. Ключ лежал в кармане. Жалобу закрыли через семь минут: событие не подтверждено журналом.

Я предположила, что сообщение задержалось. Ирина Павловна покачала головой: накануне такое же уведомление получила Марина Белова из соседней квартиры. Марина была в магазине, но приложение уверяло, что её дверь открылась.

Лифт раскрылся без вызова. Внутри загорелся свет, и голос сообщил, что кабина готова к поездке.

— Видишь, какая воспитанная, — сказала Ирина Павловна. — Жалобы закрывает, зато здоровается.

Мы вошли. Я потянулась к кнопке восьмого этажа, но двери закрылись раньше. Панель осталась пустой. Ирина Павловна тоже ничего не нажимала.

Кабина тронулась. Желудок подсказал, что мы поехали вниз, хотя ниже первого этажа на схеме ничего не было. На панели мигнула единица, погасла, а затем появился ноль.

Я посмотрела в зеркало и не сразу поняла, что меня смутило. В отражении ноль загорелся на секунду раньше. Сначала он появился над моим плечом, в зеркальной панели, и только потом — на настоящем экране.

— Вы это видели?

— Ноль видела. Остальное уточни.

— В зеркале цифра появилась раньше.

— Значит, зеркало у нас быстрее лифта. Полезное общедомовое имущество.

Кабина замедлилась и остановилась. Свет не погас, вентиляция продолжала гудеть, но двери не открылись. Ноль продержался ещё несколько секунд и исчез. Осталась только полоска часов: 20:14.

Я нажала кнопки восьмого этажа и открытия дверей. Ни одна не загорелась. Ирина Павловна включила запись на телефоне, назвала время остановки и уточнила, что в лифтах она не боится, а злится. Я предложила сначала вызвать помощь, но она отказалась откладывать протокол: после освобождения нам могли объяснить, что мы обе не так посмотрели.

В динамике щёлкнуло, затем включился вежливый голос. Он предложил описать проблему после сигнала. Я сообщила, что в кабине две женщины, лифт показал нулевой этаж и остановился.

— Команда не распознана.

— Это не команда. Это проблема.

Система предложила выбрать этаж назначения. Я попросила любой существующий, после чего Ирина Павловна посоветовала не спорить с мебелью: она обучена и всё равно победит.

После повторного вызова ответила женщина. Ирина Павловна назвала адрес, подъезд и номер кабины, затем потребовала представиться. Оператор Кузнецова сообщила, что лифт находится между первым и вторым этажами. Нулевого этажа в системе не было, а отмеченного нами события она не видела.

Я включила запись на своём телефоне и назвала точное время. Кузнецова предположила визуальный сбой. Ирина Павловна потребовала внести в заявку слова «цифра ноль», раз уж выбрать несуществующий этаж в интерфейсе нельзя.

Связь оборвалась сразу после слова «нулевой», будто системе не понравилось само название. Кабина дёрнулась. Ирина Павловна упёрлась ладонью в стену, а я схватилась за поручень. Лифт опустил на несколько сантиметров и замер.

Из нижнего паза зеркала раздался металлический звук. В щели блеснуло кольцо.

Я присела и посветила телефоном. Между зеркалом и полом лежал большой механический ключ с серой пластиковой биркой. Он застрял бородкой в пазу.

Ирина Павловна пользовалась электронной меткой и сразу сказала, что такие ключи есть только у техников. Я обернула пальцы салфеткой и вытянула находку. На бирке был выбит номер 4-17. Бирку покрывали царапины и грязь.

Серый пластик был стёрт с одного края, а кольцо потемнело от постоянного использования. Это не походило на запасной ключ, который годами лежит в ящике. Им пользовались часто и носили вместе с другими инструментами.

Ключ мог лежать в пазу давно, но утром Ирина Павловна видела его у механика Виктора. Тот проверял лифт и спорил с подрядчиком возле сервисного кабинета.

Оператор снова вышла на связь и сообщила, что техническая служба выехала. Ирина Павловна велела добавить в заявку найденный ключ. Кузнецова ответила, что сведения примет дежурный после освобождения пассажиров.

— Передайте ему, что пассажиры выйдут вместе со сведениями.

Я сфотографировала ключ, панель и часы. На снимке зеркала нуля не было, только наши напряжённые лица.

Через несколько минут за дверями послышались удары. Кабина медленно поднялась и остановилась с перекосом. Створки разошлись вручную. Пол вестибюля оказался примерно на двадцать сантиметров выше пола кабины. Техник попросил выходить по одной. Ирина Павловна поднялась первой, я выбралась следом и не выпустила ключ из салфетки.

В холле нас ждали охранник и дежурный диспетчер. Техник присел у панели кабины. Двери оставили открытыми. На экране снова светилась единица. Ноль исчез так основательно, словно мы принесли его с улицы.

— Ключ передайте мне, — сказал дежурный. — Наверное, жилец забыл.

— Жильцы такими ключами не пользуются. И впишите в акт нулевой этаж.

— Я могу зафиксировать остановку между первым и вторым. Нулевого этажа в системе нет.

— На панели был. Запишите со слов пассажиров.

Я положила находку на стойку и показала фотографии. Охранник узнал серую бирку.

— Это ключ Виктора Мельникова. Сегодня утром он с ним ходил.

По словам охранника, ключом открывали сервисный кабинет. Там Виктор спорил со Всеволодом Карелиным, подрядчиком по цифровой системе дома. Механик утверждал, что после сдачи дома какой-то доступ не закрыли. Карелин отвечал, что всё выполнено по акту.

Дежурный положил ключ в прозрачный пакет и заклеил край. Подпись на пакете ставить не стал. Ирина Павловна потребовала номер заявки.

— Обращение зарегистрировано.

— Номер состоит не из слова «зарегистрировано».

Мне пришлось отвернуться, чтобы не улыбнуться. Она не повышала голос и не угрожала жалобами. Просто стояла перед стойкой и ждала, пока взрослый человек выполнит простое действие. Через минуту дежурный написал номер на обороте рекламной листовки.

Акт обещали подготовить после диагностики. Вместо нулевого этажа дежурный хотел указать некорректную индикацию. Ирина Павловна добилась, чтобы рядом записали время и упоминание ключа. На замечание, что время и без того хранится в системе, она посмотрела на пустую панель лифта. Спор продолжать не пришлось.

Я сфотографировала пакет, номер заявки и фамилию оператора. Обычным сбоем это уже не выглядело: найденный ключ связывал остановку лифта с сервисным кабинетом, а система не видела самого события.

Мы поднялись на восьмой этаж по лестнице. Ирина Павловна шла впереди без остановок, а я старалась не предлагать помощь. На шестом она разрешила мне не делать вид, что подниматься легко, и пообещала никому об этом не рассказывать.

В квартире она убрала лекарства в шкаф и только потом поставила чайник. Я открыла заметки и восстановила время. Сначала кабина пошла вниз, потом появился ноль, после остановки мы вызвали помощь, а при втором рывке звякнул ключ.

Марина Белова жила через стену, и именно её приложение показывало чужие входы. В полицию она пока не обращалась. Бывший муж следил за ней, поэтому соседи связали уведомления с ним, хотя часть сообщений приходила, когда Олег находился в другом месте. Марина проверяла двери, время входов и его алиби.

В дверь позвонили. Ирина Павловна посмотрела на часы и сообщила, что Антон прибыл вовремя, если считать от момента, когда всё уже закончилось.

Он вошёл с мокрыми волосами и папкой под курткой. Осмотрел тётю, потом меня и сразу понял, что мы не пострадали.

— Рассказывайте по порядку.

— Здравствуй, — ответила Ирина Павловна. — Я тоже рада.

Антон извинился, обнял её и сел напротив меня. Я показала фотографии. Он увеличил номер на бородке и попросил перечислить остановки. Его интересовала последовательность. Мы вошли на первом этаже, кабина тронулась до нажатия кнопки, а после остановки сдвинулась ещё раз. Когда я дошла до звона ключа, он вернулся к снимку паза.

Ирина Павловна поставила перед ним чашку и заметила, что можно было сначала спросить, не ударились ли она. Антон спросил. Она ответила, что не ударились и теперь разрешает ему продолжать быть специалистом.

— Ноль вы обе видели? — спросил Антон.

— Да, — сказала Ирина Павловна. — И не предлагай мне проверку зрения.

— Я разделяю индикацию и маршрут. Экран мог ошибиться, но кабина двигалась по конкретной команде.

— Мы её не задавали, — сказала я.

Антон согласился: оставались два варианта — автоматика или внешний контур, но ни один пока нельзя было считать причиной. Мне хотелось, чтобы он признал: случилось нечто подозрительное. Антон снова выбрал осторожность.

— Ключ тоже визуальный сбой? — спросила я.

— Ключ нужно осмотреть, установить владельца и проверить, от какой двери он подходит.

Я сообщила, что дежурный убрал его в пакет без подписи. Антон сразу уточнил, остался ли пакет на стойке, и попросил ничего не публиковать до осмотра.

— Я ещё не сказала, что собираюсь публиковать.

— Ты журналист. У тебя лицо меняется, когда рядом появляется заголовок.

— У меня лицо меняется, когда мне запрещают то, чего я не делала.

Ирина Павловна подвинула к нам сахарницу и предложила закончить выяснение, у кого лицо профессиональнее. Утром ключ был у Виктора. Возле лифта он сказал Карелину: «Дом ведёт вниз, а в документах вниз нет». Подрядчик ответил, что механик опять лезет не в свою часть договора.

Антон отложил телефон. Ирина Павловна повторила фразу без изменений и назвала время — девять двадцать. Виктор говорил громко, потом попросил охранника открыть сервисный кабинет. Я записала сведения. Антон заметил, как двинулась моя ручка, но спорить не стал.

На следующий день он хотел осмотреть лифт, получить журнал заявок и установить назначение ключа. Сегодня же собирался увезти тётю к себе. Ирина Павловна отказалась.

— Лифт неисправен, — сказал Антон.

— В доме есть лестница.

— Здесь происходят странные входы.

— Поэтому я останусь в своей квартире и сама решу, кого впускать. Ты можешь проверить замок, но чемодан мне собирать не будешь.

Антон посмотрел на меня, надеясь на поддержку. Я занялась чаем. После истории с лифтом спорить с Ириной Павловной о самостоятельности было неблагоприятным делом.

Она позвонила Марине и договорилась о встрече на следующий день. Марина обещала прийти в десять и рассказать про входы, которых не было. Антон напомнил о согласии на разговор. Ирина Павловна ответила, что спрашивать согласие умеет, в отличие от племянника, который приезжает и сразу распоряжается.

Он принял замечание без ответа, затем проверил дверной замок и кнопку связи. Всё работало, и проверка ничего не дала.

Мы вышли из квартиры около половины десятого. На площадке первого этажа дежурного не было. Охранник разговаривал у входа с техником, а прозрачный пакет лежал на стойке раскрытым.

Антон спросил, где ключ. Охранник указал на пакет, но тот был пуст. На дне осталась серая пыль. Дежурный, по словам охранника, находку никуда не относил. Техник к стойке не подходил. Камера смотрела прямо на пакет, но монитор показывал заставку обновления.

За нашей спиной открылись двери лифта. Кабина стояла пустая, свет горел, на панели была единица. У самого порога лежал тот же механический ключ.

Я не стала заходить внутрь. Антон попросил охранника вызвать дежурного. Ирина Павловна наклонилась, не переступая границу кабины.

Теперь надпись на серой бирке читалась ясно. В пластике были выцарапаны две буквы: «В. М.».

На следующий день Ирина Павловна собиралась познакомить меня с Мариной, у которой система фиксировала входы, хотя никто не входил. Я подняла ключ за металлическое кольцо. Охранник Роман положил повторно найденный ключ в новый конверт, записал время, поставил контрольную печать № 14-01 и передал мне под расписку до утреннего осмотра. Нам предстояло проверить дверь Марины и выяснить, почему находка вернулась в лифт.

Глава 2. Вход, которого не было

Утром дождь прекратился, но стеклянные двери дома ещё были в разводах. Экран у входа просил жильцов не передавать коды посторонним. И тут же впустил меня по гостевому пропуску, который Ирина Павловна оформляла вчера на одну поездку. Пропуск действовал до конца недели.

Я показала срок Антону. Он нахмурился: за ночь вопросов к этому дому у него стало больше.

До утра конверт с ключом Виктора хранился у меня в сумке. Печать № 14-01 оставалась целой. Роман нашёл только канцелярский конверт с надписью «Для показаний счётчиков», поэтому номер и время он внёс от руки. Ирина Павловна заметила, что ключ уже показал больше, чем вся система дома.

Утром мы с Антоном вернулись в дом. Ирина Павловна ждала у квартиры Марины с небольшим контейнером сырников.

— Это не давление, — предупредила она. — Марина вчера почти не ела.

— А если не захочет? — спросил Антон.

— Заберу обратно. Я умею пережить отказ. Попробуй как-нибудь.

Марина открыла после второго звонка: щёлкнули верхний и нижний замки, а дверь открылась на ширину цепочки. Я увидела бледное лицо, тёмные волосы, собранные резинкой, и край серого свитера.

Ирина Павловна представила нас. Марина посмотрела на Антона дольше, чем на меня.

— Он из управляющей компании?

— Нет, — сказала я. — И не из полиции. Мы пришли только потому, что вы согласились поговорить.

— А ключ зачем?

Я не сразу поняла, откуда она знает. Потом заметила, что конверт выступал из незастёгнутой сумки.

— Нашли вчера в лифте. Покажу, только если вы разрешите. К вашей двери его прикладывать без согласия не будем.

Марина сняла цепочку и впустила нас.

В прихожей стоял стул. На ночь его придвигали к двери, упирая спинкой в ручку. На ламинате остались две светлые полосы от ножек. Марина заметила мой взгляд и передвинула стул к стене.

— Я понимаю, что это смешно.

— Нет, — ответила я. — Не понимаю только, как вы утром выходите.

— Шумно. Зато соседи знают, что я жива.

Ирина Павловна поставила сырники на стол. Рядом с телефоном лежал чек из аптеки, а на экране ноутбука была открыта карта с отмеченным магазином.

Марина села так, чтобы видеть дверь. Телефон из рук не выпустила.

— Что именно вам нужно?

— Одно уведомление, — сказала я. — Вчерашнее, в восемнадцать сорок две. Остальные пока не трогаем.

Она ожидала другого. Плечи немного опустились.

— Переписку с Олегом показывать не буду.

— И не прошу. Адрес, ваши сообщения и место, где вы иногда ночуете, без разрешения нигде не появятся. Мне нужно понять, где вы были в момент входа и почему уверены, что дверь оставалась закрытой.

Марина открыла уведомление, но телефон мне не отдала. В верхней строке стояло время — 18:42. Ниже система сообщала: «Вход выполнен. Использован доверенный способ авторизации».

— Какой именно способ? — спросил Антон.

— Поддержка не отвечает. В приложении подробностей нет.

— Электронный замок закрывали телефоном?

— Я всегда закрываю ключом, потом проверяю в приложении. Вчера было то же самое.

Я попросила показать только экран с историей событий. В журнале стояли три отметки: закрытие двери в 17:58, вход в 18:42 и возвращение Марины в 19:16.

— Где вы были?

Она подвинула чек. Покупка в аптеке прошла в 18:39. Ирина Павловна в это время говорила с ней и слышала объявление кассы. До дома было не меньше пятнадцати минут. Марина пришла позже: стояла у витрины напротив подъезда и ждала, не выйдет ли Олег.

— Он вышел? — спросила я.

— Нет. Но раньше он входил так, что камера его не видела. Ждал, пока откроют жильцы, надевал капюшон. Потом говорил, что случайно оказался рядом.

— У него есть ключ?

— Старый я забрала. После развода сменила цилиндр и отвязала его телефон. Он всё равно знает, когда я ухожу.

Антон не спросил, откуда Олег получает сведения. Он посмотрел на дверь.

— Можно осмотреть замок снаружи и внутри? Без разборки.

Марина сжала телефон.

— Вы найдёте царапину и скажете, что я сама её сделала.

— Могу ничего не найти. Тогда так и скажу.

— А потом посоветуете сменить пароль.

— Пароль к металлическому цилиндру не подходит.

Марина впервые улыбнулась, хотя скорее от усталости.

— Это пока единственное полезное, что я услышала про безопасность.

Она разрешила осмотр. Антон попросил включить на телефоне фонарь и не касаться замка. Мы вышли на площадку. Ирина Павловна осталась в квартире, но дверь не закрыла.

Цилиндр был новым, блестящим, без ржавчины. Вокруг скважины виднелись мелкие царапины. Антон присел и повернул телефон так, чтобы свет шёл сбоку. Одна риска уходила внутрь почти по прямой. В самом краю блеснула серебристая крупинка.

— Это мог оставить обычный ключ? — спросила Марина.

— Мог. Сейчас важно другое: след свежий или остался после установки.

— Замок ставили два месяца назад.

— Тогда нужен мастер, который отличит монтажные повреждения от недавних.

На коврике возле двери я увидела две тёмные крошки и одну светлую. Сначала решила, что это песок с обуви. Наклонилась, но трогать не стала.

— Марина, когда вы пылесосили площадку?

— Сегодня утром. Я всегда пылесосу коврик после ночи.

— После этого выходили?

— Только открыла Ирине Павловне.

Антон приложил рядом линейку и сделал несколько снимков. Марина следила за каждым движением. Когда он попросил сфотографировать внутреннюю сторону двери, она отказалась.

— Там ничего особенного, но я не хочу.

— Хорошо, — сказал Антон. — Тогда пока не снимаем.

Антон убрал телефон. Марина посмотрела на него внимательнее и сама открыла дверь шире.

— Осмотреть можете. Снимать пока нет.

На внутренней накладке повреждений почти не было. Ручка работала плавно. Антон несколько раз запер и отпер замок ключом Марины и сравнил ход механизма. Никакого скрежета не возникло.

Когда лифт за нашей спиной тронулся и пол едва заметно дрогнул, конверт в сумке шевельнулся. Я решила, что он соскользнул между блокнотом и кошельком, поправила ремень и услышала лёгкий стук.

Конверт повернулся длинной стороной к двери Марины.

Я поставила сумку на пол. Антон заметил это сразу.

— Что случилось?

— Посмотри.

Пока лифт поднимался, вибрация повторилась. Конверт медленно сдвинулся, и ключ внутри развернулся бородкой к замку. Бумага зацепилась за край блокнота и остановилась.

Марина отступила в квартиру.

— Это тот ключ?

— Да. Но он запечатан, — ответила я. — И к двери мы его не прикладывали.

Контрольная печать № 14-01 оставалась целой. Я снова вызвала лифт. Сумка дрогнула, но конверт больше не повернулся.

— Пол может быть с уклоном, — сказал Антон.

— Вчера в лифте ключ тоже вернулся к кабине.

— Поэтому и проверяем, а не объясняем заранее.

Марина спросила, может ли ключ открыть её дверь. По фотографии профиль не совпадал. Антон отказался вставлять его в цилиндр: новый след только испортил бы проверку.

— Тогда зачем он повернулся?

Я посмотрела на запечатанный конверт. Ответа у меня не было.

— Возможно, он показал направление, — сказала я. — Не вашу дверь, а механический способ входа вместо электронной записи.

— Звучит так, будто вы сами себе не верите.

— Сейчас верю только времени на чеке и следу в замке.

Марина кивнула. Кажется, именно этот ответ её устроил.

Мы вернулись на кухню. Пока Антон искал независимого слесаря, Марина решила сменить пароль от приложения. Система потребовала подтвердить вход со старого устройства.

— Старое устройство у Олега, — сказала она. — Я его сбросила.

Приложение предложило отправить код на резервный номер. Резервным оказался номер Олега.

Марина попробовала восстановление через почту. Ссылка снова привела к подтверждению со старого устройства.

— Хорошая защита, — сказала Ирина Павловна. — Не позволяет хозяйке украсть собственную дверь.

Третью попытку приложение отклонило: новый пароль якобы уже использовался.

— Я скоро вернусь к стулу, — сказала Марина. — У него хотя бы нет обновлений.

Я попросила разрешения снять только сообщение об ошибке. Марина согласилась и закрыла ладонью строку с адресом.

Через двадцать минут приехал слесарь Павел Семёнович. Увидев нас возле двери, он спросил, почему обычный замок собрал такое совещание.

— Потому что приложение считает его умнее нас, — ответила Ирина Павловна.

Павел Семёнович предупредил, что заключение будет предварительным. Марина разрешила снять внешнюю накладку, но менять замок пока отказалась.

Слесарь подложил бумагу под дверь и осторожно провёл магнитом возле скважины. На лист упали несколько светлых крупинок.

— Металл, — сказал он. — Свежий.

— Откуда вы знаете? — спросила Марина.

— Эти частицы блестят и лежали у края. Цилиндр недавно открывали ключом, который входил и поворачивался ту же, чем ваш.

Он показал продольный след внутри канала. Монтажные царапины находились возле винта, а эта уходила вглубь по ходу ключа.

— Значит, был дубликат? — спросила я.

— Подходящий профиль. Это мог быть дубликат, мастер-ключ или плохо изготовленная копия. По следу фамилию не прочитаешь.

Павел Семёнович сравнил ключ Марины с фотографией находки.

— Этот не подойдёт. Другая нарезка и другой профиль. Но ключ из сервисной связки мог открыть общий контур, если замки ставили одной системой.

— Квартирные двери и сервисные помещения не должны быть в одном контуре, — сказал Антон.

— Не должны. Я много чего видел, что не должно работать, но исправно берёт деньги за обслуживание.

Павел Семёнович указал в акте свежую риску и металлические частицы. Марина прочитала каждую строку.

— Для заявления достаточно вашего сообщения о входе, — сказал Антон. — Акт приложите как подтверждение.

Марина положила документ рядом с аптечным чеком. Стул у двери больше не выглядел смешным.

В одиннадцать двадцать мы спустились к охране. Марина осталась с Ириной Павловной: приложение заблокировало её на час за подозрительную попытку сменить пароль.

На посту дежурил вчерашний охранник Роман. Он нашёл запись камеры за нужное время. Дверь Марины в кадр не попадала, зато была видна площадка перед лифтом.

В 18:40 по площадке прошла соседка с пакетом. В 18:41:12 двери лифта закрылись. Затем изображение перестало меняться.

Остановку я заметила не сразу. Цифры времени шли дальше. Антон указал на рекламную листовку: её угол качался, а в 18:41 замер.

Через две минуты изображение дёрнулось, листовка снова зашевелилась. В 18:43 лифт открылся. Этот промежуток совпадал с уведомлением.

— Камера перезагружалась, — сказал Роман. — Такое бывает после обновления.

— Где журнал перезагрузок? — спросил Антон.

Охранник открыл служебную программу, но нужная вкладка потребовала пароль администратора.

К посту подошла женщина в тёмно-синем костюме с карточкой ТСЖ. Она представилась Вероникой Соболевой, бухгалтером и членом правления.

— Что именно вы ищете?

Антон объяснил про остановку камеры. Соболева выслушала, не перебивая, затем попросила письменное заявление от собственницы. Без него она не могла разрешить копирование журнала.

— Мы не просим копию, — сказала я. — Хотим увидеть время перезагрузки.

— Любой просмотр технических данных касается безопасности всего дома. Сначала заявление.

По словам Соболевой, Марине уже предлагали отключить старые устройства и обратиться в полицию из-за бывшего мужа. Дом не мог вмешиваться без заявления.

— Вчера система зафиксировала вход, — сказала я. — Камера в это время показывала один и тот же кадр.

— Событие подтверждено системой, оснований для вмешательства нет. Сбой камеры не отменяет авторизацию.

Эту же фразу я видела в ответе поддержки.

— Это стандартная формулировка? — спросила я.

— Она точная.

Роман хотел что-то добавить, но Соболева посмотрела на него. Он всё же сказал, что обновления обычно запускает подрядчик удалённо. Всеволод Карелин подключался вечером, когда нагрузка меньше.

— Вчера подключался? — спросил Антон.

— Не знаю. В журнале должно быть.

— После заявления, — напомнила Соболева.

Она обещала помочь Марине с заявлением, затем спросила о ключе Виктора. Значит, о находке уже знали.

— Хотим понять, от какой он двери, — ответил Антон.

— Виктор отвечал за технические помещения. У него было много ключей. Не стоит связывать обычную потерю с семейной ситуацией Марины.

Соболева попрощалась и ушла к лифтам. Кабина приехала сразу, на панели горела единица.

Роман дождался, когда двери закроются.

— Карелин вчера заходил удалённо, — сказал он. — Я видел уведомление. Точное время не помню. И Виктор с утра требовал журнал, ругался, что там пропуски.

— Какие пропуски?

— Событие есть, записи нет. Или наоборот. Я в этом не разбираюсь.

Роман обещал сохранить запись после заявления. Копию не дал, но разрешил записать время остановки изображения.

Ответ поддержки пришёл наверху. Авторизация в 18:42 считалась успешной, технические параметры не раскрывались. Внизу повторялась знакомая фраза: «Событие подтверждено системой, оснований для вмешательства нет».

Марина прочитала письмо и открыла дверь Павлу Семёновичу, который вернулся за подписью Марины на втором экземпляре акта. Потом села за стол и начала писать заявление.

— Про Олега отдельно? — спросила она.

— Да, — ответил Антон. — Его действия не надо смешивать с входом, который пока ему не приписан.

— А если это всё-таки он?

— Тогда появятся доказательства. Сейчас есть уведомление, остановка камеры и след в замке.

Марина посмотрела на меня.

— Вы правда не напишете, где я буду ночевать?

— Не напишу, не стану спрашивать адрес и даже Ирине Павловне не скажу.

Марина несколько секунд смотрела на меня, проверяя, не последует ли ещё один вопрос.

— Хорошо.

Она дописала заявление и поставила подпись. Стул остался у стены. Теперь у Марины были точное время, заявление и свежий след в замке.

Я убирала блокнот, когда позвонила Ирина Павловна. Она говорила быстро, без обычных замечаний в адрес племянника.

Виктор Мельников не вышел на смену. Телефон был включён, но на звонки он не отвечал. Охрана проверила внутреннюю систему поиска служебных устройств. Сигнал шёл из технической зоны под первым этажом.

Антон уже направился к двери. Я взяла запечатанный конверт с ключом. Внутри снова раздался лёгкий металлический стук, и бородка повернулась вниз.

Глава 3. Смерть механика

Мы спустились к служебной двери около половины седьмого вечера. Телефон Виктора звонил за стеной, и обычная мелодия звучала особенно тревожно. Она обрывалась и через несколько секунд повторялась.

Роман безуспешно прикладывал карточку охраны к замку. Экран отвечал: «Доступ ограничен регламентом».

— Какой ещё регламент? — спросила Ирина Павловна. — Человек не отвечает.

— Я вызвал подрядчика, — сказал Роман. — Он откроет технический этаж.

— А спасателей?

Роман отвёл глаза.

— Сейчас вызову.

Антон звонил в 112. Он назвал адрес, объяснил, что сотрудник не вышел на связь, а служебный телефон определяется за закрытой дверью. Потом включил запись времени на своём телефоне и попросил Романа повторить, когда Виктора видели в последний раз.

— Утром. Около девяти. Потом он ушёл вниз.

— Один?

— Вроде один.

— «Вроде» запишем отдельно, — сказала Ирина Павловна.

Я достала конверт. Ключ внутри лежал неподвижно, пока я не подошла ближе. У самой двери металл упёрся в бумагу, и бородка натянула край конверта.

Антон заметил это и встал между мной и замком.

— Даже не думай.

— Я только сравню профиль.

— Сравнить можно глазами.

Он посветил телефоном через бумагу. Профиль ключа совпадал со скважиной.

— Это его дверь, — сказала я.

— Похоже, — ответил Антон. — Но открывать найденным ключом нельзя. Мы не знаем, что там внутри и что можем изменить.

— Там человек.

— Поэтому дверь откроют спасатели, а не мы.

Разумно. От этого ожидание легче не стало.

Телефон снова заиграл. Ирина Павловна шагнула к замку, но я взяла её под локоть. Она посмотрела на мою руку, потом на дверь и не стала спорить.

— Вчера он был жив, — сказала она. — Ругался, мешал всем работать. Нормальный человек.

По требованию Антона Роман зарегистрировал внутренний аварийный вызов, записал его номер и назвал его вслух.

Через несколько минут появились двое сотрудников аварийной службы и фельдшер. Спасатель осмотрел замок, спросил о запасном доступе. Роман снова заговорил о подрядчике.

— Подрядчик едет из другого района, — сказал Антон. — Телефон человека находится за дверью, на вызов он не отвечает больше часа.

Дверь открыли штатным инструментом. Нас попросили отойти. За ней начинался узкий коридор, где свет включался по секциям. Фельдшер ушёл в глубину и через несколько минут вернулся. Роман снял фуражку.

Виктора нашли в боковом проходе у кабельного шкафа. Он упал с невысокой металлической площадки и ударился. Фельдшер сказал, что помочь уже нельзя.

Ирина Павловна опустила на складной стул охраны. Вчера этот стул стоял у стойки и был занят коробкой с рекламой. Теперь Роман принёс его сам.

Телефон Виктора продолжал звонить, пока спасатель не отключил звук. После этого в коридоре остались только шаги и гул вентиляции.

Карелин приехал раньше председателя ТСЖ. Я узнала его по голосу ещё до того, как он показал удостоверение подрядчика. Он говорил быстро и сердился, будто главным последствием смерти стал сорванный график обслуживания.

— Здесь оборудование дома, — сказал он Роману. — До фиксации состояния никто не должен трогать шкаф управления.

— Там работают службы, — ответил Антон.

— А вы кто?

— Человек, который уже записал время вашего приезда.

Карелин посмотрел на него, потом на меня. Ему было около сорока пяти. Куртка была расстёгнута, на шее висел пропуск с названием компании.

— Система сейчас в аварийном режиме. Если её не восстановить, останутся без связи лифты и часть домофонов.

— Сначала закончат осмотр, — сказал спасатель из дверей.

Карелин попытался объяснить разницу между осмотром места и обслуживанием оборудования. Спасатель закрыл дверь перед его пропуском. Технический язык не помог.

Карелин спросил, живу ли я в доме. Получив отрицательный ответ, сообщил, что я не представляю, сколько здесь связанных систем.

— Пока представляю одну закрытую дверь, — сказала я.

Антон попросил меня не помогать Карелину становиться разговорчивее.

После первичного осмотра спасатели обозначили границу лентой. Меня, Романа, Карелина и Антона оставили у входа до фиксации обстановки полицией. В глубине горел красный огонёк.

— Там горит индикатор, — сказала я.

Карелин обернулся.

— Резервное питание.

— Это кнопка вызова? — спросил Антон.

Он подошёл ближе, не переступая отметку на полу. На стене у бокового прохода находилась жёлтая панель с одной кнопкой. Над ней горел красный светодиод.

— Локальная аварийная связь, — ответил Карелин. — Сигнал мог не уйти из-за слабого покрытия.

— Питание есть, — сказал Антон.

— Питание и передача — разные вещи.

— Кабель цел?

Карелин присел, посмотрел на провод и сообщил, что внешних повреждений нет. Потом добавил, что внутри мог отказать модуль.

— Тогда журнал контроллера покажет попытку, — сказал Антон.

— Если запись сохранилась.

— Почему бы ей не сохраниться?

— Аварийный режим, обновление, скачок напряжения, — перечислил Карелин. — Причина может быть любой.

Ни одну из перечисленных причин Карелин не проверил.

На пыльной полке возле панели остался чистый прямоугольник размером с карманный блокнот.

Я показала Антону. Он сделал снимок с расстояния и попросил Романа ничего не класть на полку.

— У Виктора был блокнот, — сказала Ирина Павловна от двери. — В клетку, с чёрной резинкой.

Карелин ответил раньше охранника:

— Он записывал туда номера заявок и свои предположения. Половина была неверной.

— Вы читали? — спросила я.

— Видел пару раз.

— Когда вы с ним в последний раз говорили?

— На прошлой неделе.

Ирина Павловна поднялась со стула.

— Сегодня утром вы стояли с ним у сервисного кабинета.

Карелин поправил пропуск.

— Это не разговор. Он опять предъявлял претензии.

— Достаточно громко, чтобы их слышал весь первый этаж, — сказала она.

Карелин посмотрел на Романа, но тот занялся журналом посетителей.

Телефон Виктора вынесли в прозрачном пакете. Блокнота при нём не нашли, серого ключа на связке тоже не было.

Я подняла конверт.

— Может, потому что этот ключ оказался вчера в лифте?

Карелин впервые задержал взгляд на находке.

— Откуда он у вас?

— Вернулся в кабину после того, как исчез со стойки.

— Я спрашиваю, кто передал его вам.

— Никто. Он лежал у порога лифта.

Карелин потребовал отдать ключ представителю подрядчика. Антон напомнил, что находку уже зафиксировала охрана. Роман подтвердил номер заявки и добавил, что сам поставил на конверт контрольную печать № 14-01.

— Это служебное имущество, — сказал Карелин.

— Тогда у вас должен быть реестр, — ответил Антон. — Покажете, какой замок он открывает.

Карелин сообщил, что реестр находится в офисе. Ключ явно был ему знаком.

Соболева появилась с папкой и председателем ТСЖ. Сразу спросила, что нужно службам, и передала журнал технических работ.

Последней в бумажном журнале стояла утренняя запись Виктора: «Проверка сервисного вызова». Графа результата пустовала.

— Почему нет времени окончания? — спросил Антон.

— Не завершил работу, — ответила Соболева.

— Где журнал тревожных вызовов?

— В диспетчерской.

— Здесь есть бумажная копия?

Соболева перевернула несколько страниц. В конце журнала был прозрачный карман. В нём лежала инструкция, но листа учёта не оказалось. На пластике остался след от бумаги: пыль по краям, чистая середина.

— Виктор держал здесь распечатку? — спросила я.

— Не знаю.

— Карман подписан.

На наклейке было выведено: «Локальные вызовы». Соболева сказала, что распечатку могли забрать при плановой сверке.

— Когда была сверка?

— Уточню.

Карелин приблизился к шкафу управления.

— Мне нужно восстановить связь.

Антон встал перед ним.

— Сначала локальный журнал.

— Вы не уполномочены давать мне указания.

— Я и не даю. Я предлагаю сотруднику служб зафиксировать шкаф до вашего вмешательства.

Поднявшийся со двора представитель полиции зафиксировал вход и разрешил специалистам подойти к шкафу. Карелин отступил; раздражение сменилось осторожностью.

Панель у места падения показывала по внутренним часам время последнего события: 17:41. Я сфотографировала экран с разрешения сотрудника. Карелин тут же заявил, что внутренние часы могли отставать.

— На сколько? — спросил Антон.

— Нужно проверять.

— Минуты или часы?

— Несколько минут допустимо.

По несверенным часам телефона последний исходящий вызов Виктора в диспетчерскую был сделан в 17:39 и длился четыре секунды. В центральном журнале первая запись после перерыва стояла в 17:44. О его звонке там ничего не было.

— Значит, не дозвонился, — сказал председатель ТСЖ с облегчением.

Красный индикатор на стене продолжал гореть.

— Он нажал местную кнопку, — сказала я.

Карелин пожал плечами.

— Нажатие не означает передачу.

Антон попросил открыть локальный буфер. Карелин отказался без письменного разрешения ТСЖ. Соболева разрешила просмотр при сотруднике полиции, но только после копирования текущего состояния.

— Именно это я и предлагаю, — сказал Антон.

Карелин открыл шкаф. Внутри стоял небольшой контроллер с экраном. Он нажал две кнопки, и появилась строка с кодом события. Я успела увидеть время 17:41, прежде чем Карелин закрыл меню.

— Ошибка связи, — сказал он.

— Верните экран, — потребовал сотрудник полиции.

— Там технический код.

— Значит, покажете и объясните.

Во второй раз строка читалась яснее: «ALARM ACCEPTED». Ниже была ещё одна запись, но Карелин пролистал её, не дав прочитать время.

— Назад, — сказал Антон.

Карелин вернулся. В 17:42 стояло: «CLOSE ADMIN».

— Что это значит? — спросила я.

— Администратор закрыл ложное срабатывание, — ответила Соболева.

Она произнесла знакомую формулу без паузы. Вчера так же объясняли вход в квартиру Марины.

— Как администратор понял, что вызов ложный? — спросил Антон.

Карелин сказал, что оператор мог связаться с сотрудником. Соболева предложила проверить диспетчерский журнал.

Мы поднялись в диспетчерскую в восемь десять. Дежурная Кузнецова узнала меня и сразу стала осторожнее. Соболева разрешила только просмотр экрана. Копирование данных отложили до официального запроса.

В центральном журнале между 17:40 и 17:44 было пусто. Кузнецова смотрела на строки и тёрла край стола.

— Был сигнал? — спросил Антон.

— Короткий. Карточка мигнула и исчезла.

— Вы её закрывали?

— Я не успела открыть.

— Кто мог закрыть?

Кузнецова посмотрела на Соболеву.

— Администратор.

— Какой именно?

— В системе не показывается имя, только роль.

Соболева поправила папку.

— Значит, ложное срабатывание закрыто администратором. Так бывает во время обслуживания.

— В технической зоне лежал человек, — сказала Ирина Павловна. — Что именно показалось ложным?

Соболева не стала спорить. Она пообещала сохранить образ диска и передать полиции после запроса.

Антон попросил расписку о сохранении. Соболева ответила, что данные защищены регламентом и никуда не исчезнут.

— Вчера исчезли две минуты камеры, — напомнила я.

— Камера перезагрузилась.

— Сегодня исчез вызов.

— Мы ещё не установили, что он исчез.

На экране Кузнецовой появилось сообщение из другого подъезда: жилец не мог открыть кладовую. Дом продолжал работать, пока главное событие помещалось в пустую строку.

Сотрудник полиции записал данные контроллера и забрал телефон Виктора. Блокнот в перечне вещей не появился.

Во дворе жильцы стояли под козырьком и читали домовый чат. Там уже обвиняли Олега и неисправный лифт. Один сосед написал, что Виктор сам отключил тревогу, чтобы не платить штраф за ложный вызов. Сообщение получило три одобрения.

Олеся приехала погостить на несколько дней и добралась до дома как раз в этот момент. Охранник выдал ей синюю и зелёную бахилы, а порванную заменил красной.

— У вас безопасность по принципу светофора? — спросила она. — Зелёная разрешает войти, красная вызывает администратора?

Роман впервые за вечер улыбнулся. Потом сказал ей про Виктора. Олеся сняла бахилы и больше не шутила.

Олеся быстро остановила пересказ чужих версий и выяснила две полезные вещи.

Виктор всегда носил в нагрудном кармане небольшой блокнот. Днём его видели у грузового лифта. Он спрашивал, работает ли камера в нижнем коридоре, и сказал, что делает офлайн-копию.

— Дословно? — уточнила я.

— Почти, — ответила соседка. — Он сказал: «Оставляю копию там, где ваш интернет не командует». Я решила, в машине.

Ирина Павловна покачала головой.

— У него не было машины. Он ездил на автобусе.

Олеся спросила, были ли у Виктора родственники. Роман вспомнил сестру в деревне, но названия не знал. В личной карточке должен был остаться адрес для экстренной связи.

Антон остановил обсуждение в чате коротким сообщением от имени Ирины Павловны: смерть подтверждена, причины устанавливаются, сведения о входах и тревогах нужно присылать отдельно, без обвинений. Ирина Павловна добавила номер своей квартиры. Олеся настроила отдельный звук только для сообщений от Марины. Остальные могли ждать утра.

Мы остались у лифтов, когда двор начал пустеть. Грузовая кабина стояла на первом этаже. На зеркале внутри тянулась светлая полоска. Сначала я приняла её за след от тряпки. Потом двери начали закрываться, и отражение изменилось.

В зеркале за нашими спинами открылся длинный коридор. На площадке его не было. Там были стена и дверь диспетчерской. В отражении уходили в глубину лампы, а в конце темнел поворот.

— Антон.

Он удержал створку рукой. Коридор в зеркале остался. Олеся посмотрела за спину, потом снова в кабину.

— Я правильно понимаю, что ваш лифт опять показывает жилплощадь, которой нет в документах?

Шутка прозвучала по привычке и сразу погасла. Никто не ответил.

На рекламном экране включился ролик управляющей компании. Зеркало осветилось, полоска исчезла, а вместе с ней пропал коридор. Остались наши лица и пустая кабина.

В сумке тихо стукнул ключ.

В контроллере сохранились две строки: по несверенным часам устройства тревогу приняли в 17:41 и закрыли вручную в 17:42. Блокнот Виктора и предполагаемая офлайн-копия оставались ненайденными.

Глава 4. Домовой чат без сна

Домовой чат разбудил нас в пять сорок семь. Телефон Олеси лежал на кухонном столе и вибрировал так долго, что чашка рядом медленно поползла к краю. Я успела поймать её раньше, чем она упала и разбилась.

Олеся вышла из комнаты в свитере, который надела задом наперёд, посмотрела на экран и молча перевернула телефон.

— Там уже двести сообщений, — сказала я.

— Значит, к завтраку будет обвинительный приговор.

После вчерашней смерти Виктора жильцы почти не спали. Одни требовали закрыть технические помещения, другие хотели проверить их лично. Олега Белова успели назвать виновным шесть раз. Мужчина с десятого этажа уверял, что механик погиб из-за поля от новых счётчиков. Его соседка ответила, что её старый счётчик тоже врёт.

Я открыла чат на ноутбуке. Сообщения исчезали быстрее, чем я успевала их читать. Люди удаляли адреса, фотографии дверей и собственные обвинения, но снимки экрана уже разошлись по личным перепискам.

— Так мы ничего не соберём, — сказала я. — Через час останутся только пересказы.

Олеся налила воду в чайник и включила его.

— Тогда сначала правила. Потом чай. Иначе я напишу правила голодной, и они будут похожи на уголовный кодекс.

Мы создали отдельную форму для сообщений. В общем чате Олеся попросила присылать только время события, место и то, чем оно подтверждается. Личные сведения следовало отправлять ей отдельно. Адрес Марины она запретила упоминать сразу, без обсуждения.

Первый ответ пришёл через девять секунд: жильцы назвали правила цензурой и потребовали сообщить полномочия Олеси. Она ответила, что умеет читать быстрее остальных, а её работа закончится сегодня в восемь вечера.

— Только сегодня? — спросила я.

— Только сегодня. Завтра у меня есть жизнь.

Я посмотрела на неё. Олеся произнесла это спокойно и не стала смягчать шуткой. Раньше она согласилась бы отвечать всем, пока последний сосед не вспомнит про скрип кладовки в позапрошлом году. Теперь она поставила в описании чата часы вопросов: с восьми утра до восьми вечера. Для срочных случаев оставила отдельный номер охраны и написала, что смерть человека не делает любую соседскую ссору срочной.

Настасья Петровна позвонила по видеосвязи, когда мы заканчивали таблицу. Сначала на экране был виден край стола, потом Настасья Петровна поправила телефон.

— Вы обе ели?

— Сейчас будем, — ответила Олеся.

— Значит, не ели. Что нашли?

Я рассказала про тревогу, которую приняли и закрыли администратором. Потом про исчезнувший блокнот Виктора и фразу о копии там, где интернет не командует.

Настасья Петровна выслушала и установила телефон ровнее. Теперь мы видели её целиком.

— В чате доказательств не найдёте.

— Там могут быть одинаковые случаи, — сказала я.

— Случаи найдёте. Доказательства потом проверите у двери, в бумаге или у человека. И не тащите в общий разговор чужой страх.

Олеся показала ей правила.

— До восьми вечера, — прочитала Настасья Петровна. — Хорошо. После восьми выключишь.

— Даже если дом рухнет?

— Если рухнет, чат не поможет.

Связь закончилась. В общем чате тем временем появился опрос: «Верите ли вы в тайный этаж?» Варианты ответа были «да», «нет» и «я там был». Третий вариант уже выбрали двое.

Олеся удалила опрос и написала, что сведения о личном посещении тайного этажа можно прислать с указанием даты. Один из проголосовавших признался, что пошутил. Второй перестал отвечать.

К девяти часам таблица начала заполняться. Большинство историй распадалось после первого уточнения. Одно сообщение о входе оказалось доставкой воды, другая тревога пришла с задержкой. Мужчина с пятого этажа жаловался на ночное открытие кладовой, но забыл закрыть её сам.

Три обращения отличались от остальных.

Первое принадлежало Ирине Павловне. Второе прислала Марина. Третье написала женщина из соседнего подъезда, Лариса Тихоновна. Во всех случаях система подтвердила вход, в записях камер в нужное время возникал короткий провал, а поддержка закрыла жалобу одной фразой: «Событие подтверждено системой, оснований для вмешательства нет».

Я перенесла формулировку в отдельную колонку.

— Стандартный ответ, — сказала Олеся. — Сам по себе ничего не доказывает.

— Посмотрим, что было после.

Ирина Павловна получила письмо о долге за обслуживание, хотя платила вовремя. В письме упоминалось, что она часто оформляет гостевые пропуска и должна внимательнее относиться к безопасности.

Марине после жалобы пришло сообщение с неизвестного номера: «Не хочешь, чтобы знали, где ночуешь, — перестань придумывать входы».

Ларисе Тихоновне напомнили о визите взрослого сына, которого она скрывала от соседей из-за его прежней судимости. Информация о гостевом пропуске хранилась в системе дома. В общий чат женщина это писать отказалась и попросила не называть подъезд.

— Уже похоже не на случайные ответы, — сказала я.

— Похоже на людей, которые любят чужие карточки жильцов больше своих дел.

Олеся отправила каждой женщине одинаковые вопросы: когда была подана жалоба, когда пришёл ответ и когда началось давление. Потом поставила телефон экраном вниз.

Через минуту он заговорил голосом Ларисы Тихоновны. Первое сообщение женщины длилось сорок семь секунд, второе — двенадцать. Затем пришли ещё семь. Всего получилось девять голосовых.

— Она обошла лимит? — спросила я.

— Я просила одно сообщение до минуты. Формально ни одно не длиннее.

Сначала Лариса сообщила время, потом объяснила, почему не доверяет охране. К шестому сообщению серая машина сына стала синей, а в конце выяснилось, что она видела её ночью из окна.

Олеся просила указывать время, номер заявки и отделять личные наблюдения от чужих слов. Лариса наконец прислала снимок ответа поддержки и фотографию замка.

— Девять сообщений понадобились, чтобы получить две бумаги, — сказала Олеся. — Вполне успешное утро.

Другие жильцы быстро переняли метод. Вместо одного рассказа приходили серии по три секунды: «Я сейчас вспомнила». «Ещё важно». «Хотя нет». Телефон Олеся не замолкал. Она отключила автоматическое воспроизведение, назначила каждому номер и стала сохранять сообщения вместе со временем отправки.

Один жилец удалил голосовое через минуту. Олеся сохранила время и номер. Мужчина говорил, что видел Виктора у служебной двери, а затем написал, что ошибся этажом.

— Почему удалил? — спросила я.

— Спросим лично, не в чате.

К полудню у нас было пять жалоб на странные входы. Только три сопровождалось физическим следом или провалом камеры. Я распечатала ответы поддержки, чтобы сравнить формулировки. Принтер зажевал третий лист и выдал его с серой полосой. Олеся сказала, что техника тоже требует отдельного канала для жалоб.

Я разложила бумаги на столе. Конверт с ключом лежал рядом, под блокнотом. Когда я потянулась за первой распечаткой, он сдвинулся и оказался на листе Марины.

Я вернула его к краю стола. Через несколько минут Олеся хлопнула ладонью по столешнице, пытаясь остановить очередное голосовое. Конверт подпрыгнул и лёг на жалобу Ларисы Тихоновны.

— Стол кривой? — спросила она.

Мы проверили с помощью уровня в телефоне. Уклон был, но в другую сторону.

Я положила конверт на ответ жильца с задержанным уведомлением. Ничего не произошло. Потом я переложила его на лист Ирины Павловны, и ключ внутри тихо повернулся поперёк бумаги.

— Три жалобы, — сказала Олеся. — И три двери, которые могли открыть обычным железом.

— Пока это только направление.

— Я уже выучила. Духи показывают, живые портят себе день проверкой.

Мы убрали листы в разные папки и поехали в дом. Соболева предложила встретиться в холле, не в кабинете. Она поставила у стойки два стула и принесла журнал обращений. Рядом стоял термос с кофе для охраны. Всё выглядело спокойно и разумно.

Соболева начала с того, что дом действительно переживал сложный день. После смерти Виктора часть жильцов перестала доверять системе, а без доверия любое уведомление превращалось в угрозу.

— Вы хотите, чтобы мы перестали собирать жалобы? — спросила я.

— Наоборот. Я хочу, чтобы вы не смешивали реальные случаи с семейными конфликтами и долгами. Управление домом требует порядка.

Она показала журнал. За месяц поступило сто восемьдесят два обращения. Большая часть касалась дверей, пропусков и лифтов. Люди не читали инструкции, теряли брелоки, передавали коды курьерам, а потом требовали немедленного расследования.

— Вчера жилец вызвал аварийную службу, потому что приложение не показало закрытие окна, — сказала Соболева. — Окно было закрыто. Телефон лежал без сети. Служба потратила сорок минут.

— Это не объясняет исчезнувший сигнал Виктора, — сказал Антон.

Он пришёл к началу встречи с копией акта слесаря. Соболева взглянула на документ и вернула его мне.

— Сигнал расследуют. Но система должна продолжать работать. Нельзя каждый сбой объявлять преступлением.

Она говорила убедительно. Домом нельзя было управлять одной тревогой: жильцы требовали камер и одновременно не желали попадать в кадр.

— Кто видит карточки жильцов? — спросила Олеся.

— Сотрудники в пределах полномочий.

— Кто видел визит сына Ларисы Тихоновны?

Соболева не изменилась в лице.

— Я не обсуждаю персональные сведения в холле.

— Но вы знаете, о каком визите речь, — сказала я.

— Лариса обращалась ко мне после сообщения. Она сама всё рассказала.

Позже Лариса подтвердила, что говорила с Соболевой, но уже после угрозы. Это ничего не доказывало, однако Соболева ответила почти сразу.

К нам подошёл мужчина с пакетом мусора и потребовал открыть технический этаж для общественного контроля. Когда он назвал мусор общественным, Олеся попросила от имени общества донести пакет до контейнера. Мужчина ушёл, а Соболева проводила его взглядом.

— Вот с этим мы работаем каждый день.

— Понимаю, — сказала я. — Но три женщины получили одинаковое закрытие жалоб. После этого им сообщили сведения, которые хранились в системе.

— Вы уверены, что сведения взяты оттуда?

— Нет. Поэтому спрашиваю, кто имел доступ.

Соболева назвала охрану, диспетчеров и подрядчика. Доступ зависел от роли. Карелин мог видеть технические события, но не платежи. Она работала с начислениями и обращениями, но не должна была открывать журналы замков без основания.

— А администратор, который закрыл тревогу Виктора?

— Его роль установят после выгрузки.

— Образ диска сохранили?

— Да.

— Можно получить подтверждение?

Соболева пообещала подготовить акт. Антон попросил сделать это сегодня. Она согласилась и добавила, что открытый сбор жалоб создаёт риск для самих жильцов.

— Вы уже показали, кто боится, кто живёт один и кто готов конфликтовать, — сказала она. — Не каждый читатель чата доброжелателен.

В этом она тоже была права. Я вспомнила, как вчера сообщения Марины пересылали вместе с номером квартиры. Мы убрали адрес, но люди успели его увидеть.

Олеся закрыла возможность писать в общий канал и оставила только форму. Спор о цензуре продолжился в личных сообщениях.

Соболева предложила передавать обращения через неё. Мы отказались, и она не стала настаивать.

Когда мы поднялись к Марине, дверь открыла Ирина Павловна. Марина сидела на кухне и держала телефон обеими руками. На экране было сообщение с неизвестного номера: «Тебя хорошо слышно через стену. Не втягивай чужих».

— Когда пришло? — спросил Антон.

— Пять минут назад.

— В чат вы сегодня писали?

— Только в форму Олеси.

Олеся проверила доступ: форму видели только мы трое, а ответы сохранялись в её личной таблице.

— Олег мог узнать от соседей, — сказала Марина.

— Мог, — ответил Антон. — Сохраняем сообщение и проверяем номер. Пока не связываем его с жалобами на систему.

Марина посмотрела на меня.

— Вы вчера обещали, что адреса не будет.

— Адрес мы не публиковали. Но открытый чат показал, что вы готовы говорить. Это тоже была моя ошибка.

Я не стала добавлять, что хотела как лучше. От этого сообщение не исчезло бы. Мы договорились, что дальше Марина будет связываться только с Олесей по отдельному номеру. Олеся поставила для неё особый звук.

Вечером мы вернулись ко мне и разложили документы на полу. Антон сверял время закрытия заявок. Олеся сопоставляла угрозы с тем, что хранилось в карточках жильцов.

Жалобу Ирины закрыли через семь минут. Через час ей пришло письмо о долге и гостевых пропусках. Обращение Ларисы закрыли за девять минут. В тот же вечер ей напомнили про сына. Марине ответили через шесть минут, а угрозу она получила утром следующего дня.

— Одинаковый текст может быть шаблоном поддержки, — сказал Антон. — Это нормально.

— Ненормально то, что после шаблона появляется личное давление, — ответила я.

— Источник данных пока не установлен.

— Но круг небольшой.

Антон кивнул. Он не спорил с направлением, только не позволял превратить его в готовый вывод.

Я положила рядом три распечатки. Конверт с ключом оставила у кружки, подальше от бумаг. Пока мы обсуждали время, он медленно сдвинулся по столу и остановился на листе Марины.

Мы замолчали.

Олеся перенесла его на четвёртую жалобу, где уведомление пришло с опозданием. Ключ не повернулся. На пятой распечатке тоже. На листе Ларисы борода упёрлась в край конверта. На заявлении Ирины произошло то же самое.

— Значит, проверяем замки этих трёх квартир, — сказала я.

— Независимым мастером, — добавил Антон. — И отдельно устанавливаем, кто видел сведения после подачи жалоб.

Телефон Олеся подал особый сигнал: Марина прислала фотографию из окна. У подъезда стоял Олег.

Через минуту в общем чате появилось сообщение с нового аккаунта: «Спросите у Марины, зачем она прячет правду о бывшем муже».

Олеся сохранила снимок экрана и закрыла аккаунт. Потом написала Марине, чтобы та не подходила к окну и вызвала полицию, если Олег попытается войти.

После жалобы система открывала карточку жильца, затем закрывала обращение стандартным ответом, а следом начиналось давление. Олег оставался отдельной версией. Следующими шагами стали осмотр трёх замков и сверка времени закрытия жалоб.

Глава 5. Опасный бывший

К восьми утра следующего дня Олег уже стоял у подъезда. Он не звонил Марине и не пытался войти, но выбрал место, откуда были видны её окна и дверь. Роман несколько раз попросил его отойти от входа. Олег отвечал, что находится во дворе общего дома и никому не мешает.

Мы приехали через десять минут после сообщения Марины. Она ждала в холле рядом с Ириной Павловной. Капюшон был надвинут на лоб, телефон лежал в кармане, обе руки оставались свободными. За ночь Марина решила, что больше не будет разговаривать с бывшим мужем через дверь.

— Я сама ему скажу, — предупредила она. — Только не отвечайте вместо меня.

Антон кивнул. Он держался на полшага сзади и не пытался встать между Мариной и выходом. Олеся встала рядом со стойкой охраны и включила запись после того, как Марина разрешила.

Двери открылись. Олег сразу двинулся к нам.

Он был выше Антона, в тёмной куртке и без шапки. Лицо у него покраснело от холода. На первый взгляд он походил на человека, который пришёл мирно поговорить и уже заранее обижен тем, что остальные этого не оценили.

— Марина, хватит устраивать цирк, — сказал он. — Я волнуюсь.

Марина остановилась под козырьком.

— Я запретила тебе приходить. Уходи.

— Ты сама вчера подняла всех на ноги. Теперь прячешься за соседями.

— Я не хочу с тобой разговаривать. Не звони мне, не жди у дома и не пытайся войти.

Олег посмотрел на Ирину Павловну.

— Вы понимаете, что она себя накручивает? Я её муж.

— Бывший, — поправила Олеся. — Это не бессрочный пропуск. Семейное положение закончилось, а приложение, похоже, не предупредили.

Олег повернулся к ней.

— А вы ещё кто?

— Человек с часами приёма. Ваше время закончилось до знакомства.

Я едва успела удержать улыбку. Марина не улыбнулась. Она смотрела прямо на Олега и повторила отказ. На этот раз медленнее, чтобы каждое слово осталось на записи.

Охранник вышел из-за стойки. Роман заметно нервничал.

— Олег Сергеевич, вам лучше уйти.

— Вчера вы меня сами впустили.

— Вчера в журнале ещё стояла семейная отметка, — признался Роман. — Сегодня её должны убрать.

— Значит, я ничего не нарушил.

Марина сжала пальцы, но с места не сошла.

— Ты знал, что мне пришло уведомление в восемнадцать сорок две. Откуда?

Олег замолчал всего на секунду.

— Ты сама написала в чат.

— В чат я написала позже.

— Ирина сказала.

— Я не говорила тебе, — ответила Ирина Павловна. — Я вообще стараюсь не разговаривать с мужчинами, которые ждут бывших жён под окнами.

Олег посмотрел на меня. В его лице появилось то выражение, с которым люди обычно вспоминают, что перед ними журналист.

— Она везде рассказывает про меня. Теперь вы будете писать, что я убийца?

— Видео никуда не пойдёт без согласия Марины, — сказала я. — Но ваше присутствие у дома и её отказ уже зафиксированы.

— Я пришёл забрать свои вещи.

— Какие? — спросила Марина.

— Документы.

— Все твои документы отдал курьер две недели назад. Есть расписка.

Олег перешёл на другой довод. Он якобы хотел предупредить её о небезопасном замке. Потом заявил, что тревожится из-за смерти механика. Через минуту выяснилось, что он приехал случайно и вообще собирался к знакомому в соседний дом.

Роман попросил его уйти ещё раз. Олег отступил к дорожке, но перед этим наклонился к Марине.

— Ты всё равно не сможешь прятаться постоянно.

Антон шагнул ближе, однако Марина подняла ладонь, останавливая его.

— Это угроза, — сказала она. — Повтори громче.

Олег выпрямился.

— Я сказал, что нельзя жить в страхе.

— На записи слышно иначе, — ответила Олеся.

Олег ушёл к парковке. Мы не пошли за ним. Роман записал время конфликта и номер машины. Марина сама продиктовала формулировку для журнала: бывший муж пришёл после прямого запрета, отказался сразу покинуть двор и сообщил, что знает время уведомления о входе.

— Про убийцу не пишем, — сказала она. — Я этого не говорила.

— Правильно, — ответил Антон. — Фиксируем только то, что произошло.

Конверт с ключом Виктора лежал в моей сумке. Пока Олег стоял рядом, ключ не двигался. Когда двери лифта раскрылись, внутри раздался металлический стук. Конверт соскользнул к боковой стенке сумки, ближе к кабине.

Я остановилась у порога.

— Он на Олега не реагировал, — тихо сказала я.

Антон посмотрел сначала на сумку, потом на лифт.

— Это наблюдение. Проверять будем маршрутами.

Кабина закрылась пустой. Ключ снова стукнул по бумаге и затих.

В квартире Ирины Павловны Марина сняла куртку, но осталась у двери. Олеся предложила чай. Марина попросила сначала разобраться с доступом, иначе чай снова придётся пить возле стула.

Антон положил телефон на стол и объяснил, что хочет посмотреть только список привязанных устройств. Переписка, фотографии и история звонков ему не нужны.

— Там останется старый телефон Олега? — спросила Марина.

— Возможно. Ещё может сохраниться семейный токен. Он позволяет одному пользователю видеть события другого.

— Открывать дверь тоже?

— Зависит от роли. Сначала посмотрим, что ему оставили.

Марина открыла приложение и сама держала телефон. В разделе безопасности числились её нынешний аппарат, планшет и устройство с названием «Семья-1». Последняя активность стояла вчера в 18:43.

Она побледнела.

— Это его старый телефон.

— Название вы задавали? — спросил Антон.

— Когда мы въехали. Тогда приложение предложило объединить доступ для семьи.

Под токеном были разрешения: просмотр уведомлений, история тревог и гостевые события. Управление квартирным замком не отмечалось. Сервисные двери отсутствовали в списке совсем.

— Значит, он видел вход? — спросила я.

— Получал уведомление почти одновременно с Мариной, — ответил Антон. — Поэтому знал точное время.

— А сообщение про место, где я ночую?

— Токен показывает гостевые пропуска и тревоги. Адрес другого жилья отсюда не получить.

Марина закрыла список.

— Этого достаточно. Отзываем.

Приложение потребовало код со старого устройства. Марина рассмеялась коротко и без радости.

— Опять у него.

Олеся наклонилась к экрану.

— Удивительная система. Чтобы выгнать бывшего, требуется его согласие.

Мы выбрали восстановление через паспортные данные собственника. Приложение попросило фотографию первой страницы, потом селфи. Марина отказалась загружать документы через неизвестное окно и позвонила в поддержку.

Оператор сначала предложил подтвердить запрос со старого телефона. После объяснения про бывшего мужа перевёл звонок в отдел безопасности. Там сообщили, что семейный токен можно отозвать через администратора дома.

— Через Соболеву? — спросила Марина.

— Через уполномоченного администратора, — ответила девушка. — Фамилия в системе не отображается.

Антон попросил зарегистрировать обращение и продиктовать номер. Марина сама записала его. Потом отправила заявление с электронной подписью. Через двадцать минут токен исчез из списка.

— Теперь он ничего не видит? — спросила она.

— Новые события не увидит. Старые уведомления могли сохраниться у него на телефоне, — ответил Антон. — Пароль тоже смените, но отдельно, без спешки.

Марина открыла журнал семейного доступа. Олег просмотрел уведомление в 18:43, а через три минуты открыл карточку тревоги.

— Почему приложение вчера не показало эти действия? — спросила я.

— Потому что она относится к семейному токenu, а не к замку, — ответил Антон. — Это отдельный журнал.

— Удобно разделено, — сказала Ирина Павловна. — Человек видит половину жизни бывшей жены, но система считает, что дверь к этому отношения не имеет.

Мы сохранили снимки только нужных экранов. Марина не отдала телефон и сама закрыла личные разделы. Антон не торопил её. Когда запись закончилась, она впервые с утра села за стол.

— Он опасен, — сказала она. — Но вы сейчас скажете, что в квартиру вошёл не он.

— Пока известно, что он видел уведомление и пытался оформить пропуск, — ответил Антон. — Для входа в 18:42 нужен другой способ.

— Он мог сделать копию ключа.

— Мог. Поэтому проверяем, где он был.

Марина посмотрела на меня.

— Только не превращайте алиби в оправдание всего остального.

— Не превратим.

Проверка маршрута заняла почти три часа. Олег утверждал, что в момент входа был на другом конце города, но сначала отказался сообщать, где. Потом прислал фотографию чека из магазина строительных материалов. Покупка прошла в 18:35. После регистрации заявления Марины сотрудник полиции направил официальный запрос и попросил магазин сохранить нужный фрагмент записи.

Чек мог получить другой человек. Мы позвонили в магазин по официальному номеру. Кассир не стала обсуждать покупателя, но после запроса полиции подтвердила время операции и номер кассы. На парковке действовал автоматический въезд. Сохранённая запись зафиксировала машину Олега в 18:27 и выезд в 18:51.

— Мог оставить автомобиль, — сказала Ирина Павловна.

— Мог, — согласилась я. — Поэтому нужен человек.

Олег назвал коллегу, который помогал выбирать дрель. Тот сначала ответил, что ничего не помнит. После второго разговора признался: Олег был в магазине и с кем-то громко спорил по телефону. Коллега запомнил его не из дружбы, а потому что Олег потребовал скидку на выставочный образец, а потом сам отказался брать товар с царапиной.

— Характер подтвердился независимо, — сказала Олеся. — Для алиби тоже бывает полезно.

Магазин находился в сорока минутах от дома Марины. Даже без пробок Олег не мог открыть её дверь в 18:42 и вернуться к машине к 18:51. Данные телефона показывали ту же зону. Их получили не мы, но Олег сам прислал снимок маршрута, рассчитывая закрыть разговор.

В домовом чате новость приняли плохо. Жильцы уже привыкли считать его объяснением всего. Один сосед написал, что плохой человек обязан быть виноват хотя бы в чём-нибудь. Олеся ответила, что обязанность плохого человека — отвечать за собственные поступки, а не за удобство чужой версии.

Лариса Тихоновна позвонила лично.

— Вы его оправдываете?

— Нет, — сказала я. — Он следил за Мариной через старый токен, пришёл после запрета и угрожал. Но конкретный вход произошёл, когда он был в магазине.

— Магазины тоже врут.

— Поэтому есть камера парковки и свидетель.

— Свидетели тем более.

Лариса помолчала и спросила, значит ли это, что входил человек из дома. Я ответила, что мы пока знаем только способ: механический ключ или доступ с тем же приоритетом.

Соболева позвонила днём. Она уже слышала об алиби и предложила считать вопрос с уведомлениями семейным конфликтом.

— Старый токен объясняет, откуда Олег знал время, — сказала она. — Остальное могло возникнуть из-за тревоги Марины.

— Слесарь подтвердил механический вход, — напомнила я.

— Он подтвердил след в цилиндре. Возможно, Марина сама повредила замок родным ключом.

— В акте указаны свежий след и металлические частицы; разницу профилей ещё предстоит подтвердить.

— Предварительное мнение мастера не заменяет экспертизу.

Соболева снова была права в узком месте и использовала это, чтобы закрыть весь вопрос. Я спросила, почему вход отмечен как сервисный приоритет. Она замолчала.

Эту строку Антон нашёл в расширенном ответе поддержки. После заявления Марины сервис прислал выгрузку с кодом события. В 18:42 дверь получила команду «MECH-OVERRIDE». Пользователь не указан. Семейный токен Олега такой команды не имел.

— Это может быть внутреннее название обычного открытия ключом, — сказала Соболева.

— Тогда почему оно не появляется, когда Марина открывает своим ключом? — спросил Антон.

Соболева предложила дожидаться пояснений Карелина. Разговор закончился обещанием всё проверить.

К вечеру Марина решила подать заявление в полицию сама. Мы приехали в приёмную втроём. Олеся осталась с Ириной Павловной, чтобы собрать сообщения от жильцов и не превращать коридор полиции в заседание домового чата.

Сотрудник за стеклом прочитал первую страницу и спросил, почему мы разделили материалы на две папки.

— Здесь Олег, — сказала Марина. — Его угрозы, слежка через токен и приход к дому. Во второй папке вход в квартиру.

— Но вы считаете, что входил бывший муж?

— Раньше считала. Но его маршрут не совпадает со временем входа.

Сотрудник перелистал акт слесаря.

— Можно всё описать одним заявлением. В ходе проверки разберутся.

Марина покачала головой.

— Если написать одним, всё снова сведут к семейной ссоре. Я хочу два сообщения.

Он посмотрел на Антона, ожидая объяснения от мужчины. Антон не вмешался.

— Олег использовал старый семейный доступ, — продолжила Марина. — Он видел уведомления, пытался оформить пропуск и пришёл после запрета. Это отдельные действия. Вход в восемнадцать сорок две выполнен другим способом, пока Олег находился в магазине.

— Откуда у вас данные?

Марина передала снимки журнала, номер обращения в поддержку и подтверждение парковки. Я добавила распечатку с кодом «MECH-OVERRIDE». Сотрудник прочитал перевод Антона: механический приоритетный доступ.

— Кто имеет такой доступ?

— Это и нужно установить, — сказала Марина.

Он всё-таки принял два заявления. В первом указал угрозу и несанкционированное использование семейного токена. Во втором — возможный незаконный вход с применением ключа или служебного приоритета.

Когда пришло время подписывать объяснение, сотрудник снова объединил события одной фразой: «Конфликт с бывшим супругом по поводу доступа в квартиру». Марина подчеркнула её.

— У нас конфликт по поводу его поведения. Доступ в квартиру ему не принадлежит.

Сотрудник перепечатал страницу. Антон стоял у окна и не подсказывал ей формулировки. Я видела, как трудно ему молчать, но именно молчание сейчас было помощью.

После регистрации нам выдали два талона. Марина проверила номера и убрала их в разные отделения сумки.

— Я сегодня буду ночевать не дома, — сказала она на улице. — Адрес не сообщу.

— Хорошо, — ответил Антон.

— Даже вам.

— Даже мне.

Она посмотрела на него с недоверием, потом кивнула.

Олега не оправдали. Его действия получили собственные даты и документы. При этом вход в квартиру Марины оставался в истории дома отдельным событием, и спрятать его за семейным конфликтом теперь было труднее.

Мы вернулись к подъезду после восьми. Лифт стоял на первом этаже. Конверт в моей сумке снова сдвинулся к кабине. Я положила его на ладонь и подошла к выходу, где утром стоял Олег. Ключ остался неподвижным. Возле сервисной двери бородака повернулась вниз.

Антон снял короткое видео и сразу убрал телефон.

— Один маршрут идёт через семейный токен, — сказал он. — Другой — через служебный доступ. Они пересекались на Марине, но принадлежат разным людям.

Ещё утром Олеся позвонила Настасье Петровне и попросила приехать с белой ниткой для безопасной проверки двери. Теперь за стеклянной дверью остановилась машина. Настасья Петровна вышла с дорожной сумкой и катушкой белой нитки, а Олеся побежала навстречу. Подъезд гостя рассматривала так, будто дом предстояло не разоблачить, а проверить по одному замку.

— Хватит верить экранам, — сказала она вместо приветствия. — Завтра посмотрим, какая дверь врёт руками.

Глава 6. Умный ключ и обычная нитка

Настасья Петровна начала проверку с того, что попросила убрать телефоны со стола. Мы послушались не сразу. Антон дописывал время в заметки, Марина ждала ответа полиции, а в домовом чате Олеси снова решили, что восемь утра — подходящий час для общего голосования.

— Телефоны не убираем, — сказала я. — Нам нужны фотографии.

— Для фотографий оставьте один. Остальные только мешают думать.

Она разложила на кухонном столе катушку белой нитки, школьный мел и два бумажных конверта. С таким набором можно было чинить подол, учить ребёнка геометрии или расследовать вход в квартиру. В нашей компании третий вариант уже никого не удивлял.

Марина ночевала в другом месте, адрес не сообщила и вернулась только ради проверки. На нитку она посмотрела без доверия.

— Вы оставите квартиру пустой и будете ждать?

— Проверим только дверь, — ответила Настасья Петровна. — Внутри никого не оставим.

— Ему не нужны вещи. После прошлого входа папка на столе лежала иначе. Сначала я решила, что сама её задела.

Я спросила разрешения записать это. Марина согласилась, но сразу уточнила, что содержимое папки снимать нельзя. В ней лежали документы по разводу.

— Папку уберём, — сказал Антон. — Для контроля оставим один нейтральный лист. Пустой или рекламный.

Марина достала из ящика инструкцию к чайнику. Олеся прочитала название и одобрила выбор.

— Если нарушитель унесёт её, мы хотя бы узнаем, зачем люди хранят инструкции после покупки.

С разрешения Марины Антон временно закрепил на косяке маленький крючок. Настасья Петровна привязала нитку к внутренней ручке и провела её к крючку. Нить не мешала замку и рвалась при открытии двери. Затем она натёрла мелом нижний край язычка. След был едва заметен, зато после движения механизма должен был смазаться.

— Ловушек не ставим, — сказала она. — Ничего, обо что можно упасть или пораниться. Проверяем дверь, а не человека.

Антон осмотрел крепление и признал, что способ годится. Вчера он бы ещё минут десять объяснял разницу между наблюдением и доказательством. Сегодня просто достал линейку и сделал контрольные снимки.

Антон попросил каждого отдельно назвать, что именно мы сделали. Ирина Павловна диктовала время, я записала положение нитки. Марина подтвердила, что разрешила проверку и сама выбрала закрытые комнаты. Настасья Петровна выслушала протокол и поправила только одну строку: мы не «контролировали квартиру», а проверяли одну дверь. По её словам, лишние слова быстро превращают помощь в хозяйничанье.

Мы договорились, что квартира останется пустой на сорок минут. Марина возьмёт с собой документы и лекарства. В спальню никто не войдёт: дверь туда она заперла обычным ключом и заклеила щель бумажной полоской. Кухню оставили открытой. На стол положили инструкцию к чайнику, предварительно обвели угол карандашом.

— А если ничего не произойдёт? — спросила Марина.

— Тогда проверка ничего не подтвердит, — ответила я.

— И вы не скажете, что я всё придумала?

— Не скажем.

Антон добавил, что отсутствие входа за сорок минут не отменит прежние следы. Марина выдохнула и сняла куртку. Потом снова надела: уходить всё равно нужно было сейчас.

Конверт с ключом Виктора лежал в моей сумке. Перед началом проверки Антон отдельно зафиксировал, что мы его не вскрывали и к замку Марины не подносили. Контрольная печать № 14-01 оставалась целой.

Соболева позвонила Марине и предупредила, что самостоятельное вмешательство в замок нарушит правила эксплуатации.

— Мы не разбираем замок, — сказала Марина. — Метки стоят внутри квартиры.

Марина включила громкую связь, и Настасья Петровна спросила:

— Если нитка на внутренней ручке повредит ваш цифровой контур, дом построен хуже, чем мы думали.

Соболева потребовала дождаться подрядчика. Мы ответили, что к концу проверки придет независимый слесарь. Охрану мы не вызывали, поэтому угрозу штрафом тоже записали и продолжили работу.

Мы вышли на площадку в десять семнадцать. Антон снял время закрытия двери. Марина повернула свой ключ дважды, потянула ручку и показала экран приложения. Система сообщила, что квартира защищена.

Через три секунды телефон Настасьи Петровны звякнул.

— Поздравляем! Вход выполнен успешно, — прочитала она. — А я ещё снаружи.

Все посмотрели на дверь. Нить находилась внутри, увидеть её мы не могли. Замок никто не трогал.

— На вашем телефоне нет приложения дома, — сказал Антон.

— Теперь есть. Олеся поставила, пока ехали.

Олеся подняла ладонь.

— С разрешения. Я зарегистрировала гостевой пропуск, чтобы Настасья Петровна не ночевала у турникета.

На экране стояло: «Пользователь вошёл. Гостевой доступ подтверждён». Время совпало с закрытием двери Марины, хотя Настасья Петровна вошла в дом двадцать минут назад.

— Поздравление опоздало, — сказала я.

— Или выбрало не ту дверь, — ответил Антон.

Он сделал снимок экрана. Марина открыла журнал своей квартиры. Там по-прежнему значилось только закрытие в десять семнадцать.

Мы пошли к лифту. Конверт в моей сумке сдвинулся к внешнему карману. Я остановилась, вынула его и положила на ладонь. Ключ внутри повернулся бородкой к двери Марины.

— Вчера он так же показывал на сервисную дверь, — сказала Олеся.

— И ни разу на Олега, — добавила я.

Антон напомнил, что предмет указывает на направление или тип доступа. Он не называет человека. Настасья Петровна одобрила формулировку и забрала у меня конверт.

— Тогда не носи его возле каждого подозреваемого. Иначе сама начнёшь подгонять людей под железку.

Она положила конверт в жёсткую папку и убрала в сумку. Ключ затих.

В холле Ирина Павловна открыла бумажный блокнот.

— Телефоны вчера забыли тревогу Виктора. Бумага у меня забывает только дома.

Мы вышли во двор. Чтобы не стоять напротив окон Марины, перешли к соседнему подъезду. Роман остался у поста и пообещал никого не направлять к её квартире. Соболева прислала сообщение: ТСЖ не несёт ответственности за результаты самовольного опыта.

— Значит, результат они уже допускают, — сказала Олеся.

Каждый звук из подъезда заставлял нас смотреть на часы.

Один жилец спросил, правда ли мы ловим взломщика ниткой. Через минуту он написал в чат: «На первом этаже ставят капкан». Олеся удалила сообщение и закрыла ему возможность публиковать новости до вечера.

На телефоне Марины вспыхнуло уведомление о сервисном входе. Мы замерли. Через секунду строка исчезла, и в журнале события не осталось.

— Снимок успела? — спросил Антон.

Марина показала экран. Она включила запись заранее, поэтому уведомление сохранилось на видео. Время было видно.

Роман проверил камеру площадки. Изображение шло без явного разрыва. Дверь Марины находилась за углом и в кадр не попадала. Лифт не открывался, по лестнице никто не проходил. На записи площадка всё время оставалась пустой.

— Может, уведомление пришло раньше фактического открытия, — сказала я.

— Или позже, — ответил Антон. — До проверки двери не решаем.

Через девять минут приложение снова сообщило, что квартира защищена. Марина ничего не нажимала.

— Приложение отметило закрытие двери, хотя раньше не показало её открытой, — сказала Олеся.

— Вежливый, — отозвалась Ирина Павловна. — Сам вошёл, сам ушёл, хозяев не беспокоит.

Марина смотрела на окна. Её тревожили не вещи, а интерес к документам и привычкам.

В десять пятьдесят семь приехал Павел Семёнович. Мы встретили его во дворе и коротко объяснили порядок действий. Он сразу предупредил, что сначала осмотрит дверь, а уже потом будет слушать версии.

На площадке всё выглядело обычно: дверь была закрыта, новых внешних царапин на замке не появилось.

Марина открыла своим ключом. Он вошёл легко, но повернулся с небольшим сопротивлением.

Внутри белая нитка лежала на полу. Один конец остался на ручке, второй был вырван из петли. Меловая полоса на язычке была смазана в сторону открытия.

Павел Семёнович сфотографировал нить и только потом разрешил войти.

Инструкция к чайнику лежала в нескольких сантиметрах от карандашного угла. Её не взяли и не раскрыли. Просто сдвинули.

— Сквозняк? — спросила Марина.

Окна были закрыты. Антон провёл ладонью над столом и попросил не трогать бумагу. Павел Семёнович проверил замок с обеих сторон. Ключ Марины не смазывал меловую полосу в таком направлении: при обычном открытии след уходил глубже. Здесь металл давил на верхний край.

— Открывали другим ключом, — сказал он. — Профиль подходил, но шёл туже.

— Можно определить, каким?

— По марке цилиндра — только группу. Точный ключ по царапине не узнаешь.

— Отмычка?

— Не похоже. Механизм повернули по штатному каналу. Скорее ключ или мастер-профиль.

В журнале между закрытием и автоматическим сообщением о защите ничего не было. Исчезнувшее уведомление сохранилось только на записи Марины.

— Камера не показала человека, — сказала она.

— Она не видит вашу дверь, — ответил Антон. — Остаётся служебный маршрут.

Мы вспомнили коридор в зеркале грузовой кабины.

Павел Семёнович собрал металлические частицы магнитом. Их оказалось больше, чем после первого осмотра. На бумаге лежали свежие серебристые крупинки.

— Цилиндр надо менять, — сказал он.

Марина посмотрела на Настасью Петровну.

— Если поменяю, они перестанут входить?

— Не знаю, — ответила та. — Но старый ключ перестанет подходить. Это уже полезно.

Марина решила заменить цилиндр после того, как полиция зафиксирует результат. До этого она в квартире не останется. Решение приняла сама и сообщила его без просьбы о разрешении. Антон только спросил, нужна ли помощь с вещами.

— Один пакет, — сказала Марина. — Остальное не трогайте.

Она взяла лекарства, зарядку и папку по разводу. Инструкцию к чайнику оставила на месте.

Антон наложил новые фотографии на утренние. Карандашный угол на столе остался прежним, а инструкция сдвинулась почти на ширину ладони. Следов обуви на полу не было. Вошедший мог что-то искать, но ничего заметного не взял.

Павел Семёнович составил акт. Указал разрыв нити, направление мела и признаки открытия другим ключом. В графе о времени написал, что дверь была опечатана контрольными метками в десять семнадцать, осмотр проведён в одиннадцать ноль пять. Марина, Антон и Ирина Павловна подписались как свидетели.

Соболева появилась, когда мы закончили, и сразу спросила, могла ли нитка порваться при закрытии.

Павел Семёнович продемонстрировал крепление на запасном отрезке. При закрытой двери нить оставалась свободной. Она рвалась только после движения ручки изнутри или полного открытия полотна.

— А мел?

— Меловой след был смазан ключом другого профиля.

Соболева признала, что результат нужно передать полиции, и попросила не обсуждать его публично.

— Я сама решу, что обсуждать, — ответила Марина. — Адрес, где буду ночевать, не скажу.

После её ухода конверт в сумке Настасьи Петровны стукнул по папке.

— Теперь к служебной двери, — сказала она. — Не открывать. Смотреть.

Мы спустились на первый этаж. Сервисный коридор после смерти Виктора был опечатан, но наружная дверь возле грузового лифта оставалась доступной для осмотра. Антон заранее получил разрешение снять внешнюю часть замка на фотографии. Роман встал рядом и записал время.

На полу у порога лежала серая пыль. Карелин объяснял её ремонтом: в новом доме постоянно оседали остатки строительной смеси. Павел Семёнович провёл магнитом. Несколько крупинок прилипли к нему.

— Это не смесь, — сказал он. — Металл из цилиндра.

На снимках риски шли одинаково. Металлические частицы тоже были похожи, хотя для экспертизы этого не хватало.

Антон попросил показать реестр ключей. Роман принёс копию, которую Соболева оставила на посту. Напротив сервисной двери стояло обозначение «МЛ-4/17». Я достала фотографию ключа Виктора. На бородке был выбит номер 4-17.

— Мастер-личинка? — спросила я.

Павел Семёнович кивнул.

— Или мастер-линия. У разных подрядчиков обозначения свои. Такой ключ мог открывать группу служебных дверей.

— Квартире Марины тоже?

— По правилам — нет. Квартирный цилиндр не включают в служебную группу.

— А если включили?

— Тогда это уже вопрос к тому, кто собирал систему.

Карелин появился через несколько минут и увидел магнит, акт и ключ в конверте.

— Вы опять создаёте следы, — сказал он.

— Мы ничего не вставляли в замок, — ответил Антон.

— Металлическая пыль осталась после монтажа.

Павел Семёнович показал чистый участок под накладкой.

— Монтажная лежала бы здесь. Эта выходит из канала.

Карелин заявил, что слесарь не знает проекта дома. Антон попросил проект мастер-системы, но услышал, что документ защищён.

— Тогда хотя бы расшифруйте МЛ-4/17, — сказала я.

— Внутренняя маркировка.

— Ключ Виктора имеет тот же номер.

Карелин посмотрел на конверт.

— Виктору выдавали доступ для обслуживания. После его смерти ключ должен быть возвращён подрядчику.

— После того как полиция зафиксирует, какие двери он открывает, — сказал Антон.

Роман принёс папку заявок Виктора. На листе с оборванным низом сохранилось: «Прошу вывести из эксплуатации мастер-лич...» Дата стояла за две недели до смерти.

— Где продолжение? — спросила я.

— Так отсканировали, — ответил Карелин.

— Оригинал?

— Должен быть в архиве ТСЖ.

На полях Виктор написал от руки: «Квартиры не должны входить в линию». Последнее слово читалось ясно.

Карелин взял лист за край, но Антон остановил его.

— Сначала фотография.

Я сняла заявку рядом с линейкой. Настасья Петровна смотрела на дверь.

— Ремонт — это когда человек чинит то, что сломалось, — сказала она. — А здесь один ключ решает, куда ему можно. Это уже не ремонт.

Карелин ответил, что она не понимает принципов централизованного доступа. Настасья Петровна согласилась.

— Поэтому и спрашиваю простыми словами.

Он ушёл, пообещав прислать техническое пояснение, и Роман проводил его до стойки. Мы остались у сервисной двери.

Конверт выгнулся: ключ снова развернулся к замку с маркировкой МЛ-4/17. Он не открывал дверь сам и не называл владельца второго доступа. Зато вёл к старой системе, которую Виктор хотел вывести из эксплуатации.

К вечеру Марина уехала. Олеся отключила чат в восемь, а Настасья Петровна оставила мне мел: в городе он работал лучше половины приложений.

Мы вышли из нужного корпуса и через двор вошли в третий подъезд соседнего корпуса, чтобы проверить, повторяется ли маркировка. Все входы были одинаковыми. Я уверенно свернула к машине Антона и только у стойки охраны поняла, что Роман сменил рубашку, потолок стал ниже, а на стене висел чужой список квартир.

— Вера, — сказал Антон за моей спиной. — Мы в третьем подъезде соседнего корпуса. Я посмотрела на одинаковые двери и убрала блокнот.

— Значит, начнём с полезного вопроса. Здесь тоже есть МЛ-4/17?

Охранник третьего подъезда в соседнем корпусе снял очки и ответил, что такого обозначения не знает. Потом открыл старую папку заявок и нашёл запись Виктора: «Мастер-личинка не демонтирована после сдачи дома».

Глава 7. Чужое собрание

В третьем подъезде соседнего корпуса меня приняли за проверяющую раньше, чем я успела объяснить, что перепутала корпус. Охранник раскрыл старую папку заявок, женщина в клетчатом жилете вручила ручку, а мужчина у лифта спросил про акт по ключам.

Я стояла у стойки с папкой Настасьи Петровны под мышкой и пыталась понять, в какой момент обычная оплошность получила служебные полномочия. Дом снаружи почти не отличался от дома Ирины Павловны. Только охранника звали Семён Аркадьевич, а нумерация квартир была другой.

— Я не проверяющая, — сказала я. — Перепутала корпус.

Женщина посмотрела на папку и подняла брови. Отступить она не собиралась.

— А зачем тогда документы?

— Чтобы не перепутать ещё и факты.

— Поздно, — сказал мужчина у лифта. — Нас вы уже перепутали.

Олеся стояла за стеклом и прекрасно видела, что мне нужна помощь. Она не вошла, только показала на часы и подняла большой палец. Подруга решила, что честное признание ошибки пойдёт мне на пользу.

Я объяснила, что пришла из соседнего корпуса и ищу сведения о мастер-личинке. Семён Аркадьевич перестал улыбаться.

— Так вы из-за Виктора?

— Он оставил заявку: мастер-личинка не демонтирована после сдачи дома.

Мужчина у лифта представился председателем совета дома Борисом Петровичем. Женщина оказалась Ниной Степановной, которая вела протокол собрания.

— У нас сегодня собрание по старым актам, — сказал Борис Петрович. — Подрядчик опять прислал пакет без приложения.

— Мне лучше уйти. Я не собственница.

— Термин уже назвали. Теперь объясняйте, почему спрашиваете.

Я рассказала только то, что можно было назвать без чужих адресов. У ключа Виктора была маркировка 4-17, на служебной двери стояло МЛ-4/17, а в заявке требовали вывести мастер-личинку из эксплуатации. Про Марину я не сказала. Про смерть Виктора говорила без версий.

Нина Степановна подвинула мне журнал. На нужной странице уже лежала закладка.

— Здесь тоже была мастер-личинка. После сдачи дома подрядчик обязан был её снять.

— Что именно снимают?

— Не сам цилиндр, — ответил Борис Петрович. — Уничтожают временный мастер-ключ, который открывал группу дверей на время отделки. Потом жильцам ставят постоянные цилиндры.

Семён Аркадьевич вынул из шкафа прозрачную папку. На обложке было написано: «Мастер-система. Ввод в эксплуатацию». Внутри лежал акт с тремя подписями и приложение.

Олеся наконец вошла и остановилась у двери. Спасать меня от неловкости она по-прежнему не собиралась.

— Я вижу, ты уже устроилась на новую работу.

— Меня приняли без собеседования.

— Обычно так и начинается бесплатный труд.

Собрание проходило в небольшой комнате рядом с колясочной. Борис Петрович разрешил нам остаться при условии, что мы не будем фотографировать фамилии жильцов.

Я позвонила Антону. Он попросил снять пустой образец акта, если нам его дадут, и уточнить номера цилиндров, процедуру возврата ключа и наличие приложения об уничтожении.

— Ты мог сказать проще: выясни, как всё делают правильно.

— Тогда ты принесёшь хорошую историю вместо проверяемого стандарта.

Нина Степановна услышала последние слова и одобительно кивнула. Антон ей понравился ещё до знакомства.

Акт в соседнем корпусе составили через неделю после передачи квартир. Представитель застройщика передал председателю опечатанный пакет с временным мастер-ключом. При свидетелях ключ проверили на двух служебных дверях, затем срезали бородку и положили обе части в отдельный конверт. В приложении перечислили цилиндры, которые раньше входили в общую линию. Возле квартир стояла отметка: заменены до выдачи ключей собственникам.

— Зачем сохранять куски? — спросила Олеся.

— Чтобы через год подрядчик не заявил, что всё уничтожил, а мы потеряли акт, — ответила Нина Степановна. — Бумага любит компанию.

Она принесла из сейфа конверт. В окошке лежали две части ключа и бирка с номером. Пломба была целой.

Я сравнила форму с фотографией ключа Виктора. Размер совпадал, но маркировка отличалась. В их доме использовали линию МЛ-3/09.

— Ваш ключ открывал квартиры?

— Во время отделки мог, — сказал Борис Петрович. — Перед заселением квартирные цилиндры заменили. Это указано в приложении.

— А если приложение отсутствует?

— Значит, вы не знаете, какие замки остались в линии.

Один собственник уверял, что подписи на основном акте достаточно. Нина Степановна спросила, готов ли он подписать справку о зарплате без суммы. Он ответил, что это другое. Она предложила объяснить разницу письменно и приложить к протоколу.

Я изучила чистый образец. В нём были строки для номера ключа и результата проверки. В конце находилась таблица замены цилиндров. Без неё акт подтверждал только передачу конверта.

Нина Степановна показала ещё одну строку: после уничтожения ключа подрядчик должен был проверить, что старый профиль больше не открывает ни одну дверь. В их акте стояли время проверки и подпись охранника. Если ключ оставался целым или хотя бы один цилиндр не заменили, временный доступ продолжал жить после окончания работ. Тогда его уже нельзя было назвать аварийным резервом: он становился скрытым постоянным правом.

— В доме Ирины Павловны есть основной акт, — сказала я. — Приложения пока не нашли.

— Начинайте с журнала входящей документации, — посоветовала Нина Степановна. — Если приложение поступало, у него должен быть номер.

— Архив ведёт бухгалтер ТСЖ.

— Соболева? — спросил Борис Петрович.

— Вы её знаете?

— Она помогала запускать оба корпуса. У нас продержалась три месяца, потом ушла в соседний. Хотела собирать платежи, заявки и пропуска в одной системе. Говорила, так удобнее видеть картину.

Нина Степановна заметила, что удобство зависит от того, кто смотрит. Борис Петрович спорить не стал.

Мы получили пустой образец акта без фамилий и копию титульного листа приложения. Нина Степановна поставила штамп совета дома.

— Иначе у вас скажут, что сами нарисовали.

На выходе Семён Аркадьевич спросил, действительно ли в соседнем корпусе лифт показывает ноль. Он понизил голос.

— Один раз показал.

— А здесь жильцы три года требуют кнопку для парковки, которой нет. Подрядчик обещает её в будущем обновлении. Парковку, видимо, тоже.

Олеся дождалась, пока двери закроются. Улыбку она до этого прятала из вежливости.

— Ты вошла не в тот дом, получила акт, фамилию и технический термин. Мне нравится твой новый метод.

— Ты могла меня остановить.

— Тогда мы бы ушли с правильным адресом и без документов.

Антон просил проверить лифт соседнего корпуса. Борис Петрович разрешил несколько поездок при условии, что мы не будем мешать жильцам. Семён Аркадьевич оформил это как осмотр по просьбе совета. Моя случайная должность получила законное основание на двадцать минут.

Мы начали с грузовой кабины. Она была той же модели, что и в доме Ирины Павловны. Я положила запечатанный конверт с ключом Виктора в жёсткую папку и поставила её на пол. В нужном доме ключ поворачивался к служебной двери и бился о бумагу возле лифта. Здесь он не двигался.

Кабина поднялась на восьмой этаж. Панель показала цифру без задержки. Мы спустились на первый, затем поднялись на двенадцатый. Ноль не появлялся. Зеркало отражало только нас и женщину с маленькой собакой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.